

гда момент иррациональности, хаотичности, непредсказуемости превращается в постоянный фон социального бытия, а опыт существования в потоке перемен накапливается до критических пределов, идея устойчивости, повторяемости, организации, воплощенной в материальной структуре, становится все более привлекательной для массового сознания. И железная дорога, которая продолжает работать при любых социальных изменениях, где поезда ходят по расписанию и прибывают в места следования, становится островком надежности в стихии бытия:

*Даже в самом пустынном отрезке,
Где уж хочется выть захолустью,
Звуки в рельсах так бодры и резки,
Так не вяжутся с тягостной грустью!
...Есть железная логика – рельсы.
Есть надежная истина – шпалы.*

(Н. Матвеева. Шпалы)

Г. Зиммель написал в свое время: «Люди, первыми проложившие дорогу между двумя местами, совершили величайший подвиг. Перемещаясь между двумя точками, они могли соединять их... но объективно эти места оставались несвязанными, пока на земной поверхности не была запечатлена Дорога: воля к соединению стала формой вещей» [1, с. 146]. Дорога вообще – и железная дорога в максимальной степени, как наиболее устойчивое воплощение Дороги – формирует основу социального пространства, первичную структуру культурного ландшафта, на которой только и могут выстраиваться социальные связи и отношения. Этим и определяется значимость аксиологического аспекта в ее художественном образе; исследование модификаций последнего открывает для нас реальную динамику представлений людей о себе и своем жизненном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Зиммель, Г. Мост и дверь / Г. Зиммель // Социология власти. – 2013. – № 3. – С. 145–150.

УДК 656.346: 821.161.1

Б. Б. МЕРЕТДУРДЫЕВА

*Институт телекоммуникаций и информатики Туркменистана,
г. Ашхабад*

ОБРАЗ ТРАМВАЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Практически ни одно литературное произведение не обходится без транспорта. Авторы используют разные виды транспортных средств, изоб-

ражая их в разном ключе. В литературе, песнях, устном творчестве, кинематографе трамвай не только служит частью антуража, но выделяется в отдельную тему. Часто трамваю в произведениях искусства приписывается некая одушевлённость, он обладает своим собственным характером: от задушевного, доброго до зловещего, сатанинского.

В произведениях начала XX века трамвай часто является символом прогресса, нередко бездушно вытесняющим дорогу сердцу автора лошадь. В произведениях же середины и второй половины XX века роли меняются, трамвай часто является символом чего-то устаревшего, дорогой сердцу деталью повседневной жизни, уступающей место чему-то более современному (автомобилю, автобусу), но в то же время – более бездушному.

Трамвай часто используется как стереотипная площадка для разворачивающегося действия жанровой бытовой сценки, или с ним связываются какие-либо переживания и размышления. Нередко встречаются малые архитектурные формы, выполненные в виде трамваев или перекликающиеся с темой трамваев.

Стремительно трамвай ворвался в культуру XX века, став символом новой, быстро развивающейся эпохи, прогресса и, как ни странно, смерти. Для людей он являлся чем-то неизведанным, и у них были все основания воспринимать этот вид транспорта как предмет опасный. Плакат с изображением режущего рельс колеса и черепа, имеющий название «Помни о колёсах!» (1925) и сообщающий о том, что в 1925 году под колёсами трамваев пострадало 200 человек, напоминает нам об одной из символических функций и поезда – носителя смерти, и наследующего эту функцию трамвая как орудия казни – гильотины, отбирающей жизнь. Поэтому неудивительно, что для русской литературы он оказался чем-то вроде современной лодки Харона.

Одним из авторов, в текстах которого часто упоминается трамвай, является Владимир Владимирович Набоков. Франц, герой романа «Король, дама, валет» (1928), по номеру трамвая гадает, умрет ли его возлюбленная – Марта. Это роман, в котором присутствует символика игры, нетрудно догадаться, какой. При чтении романа приходит осознание того, что неважно, какая именно эта карточная игра. Важен тот факт, что в жизни судьба, воля, случай – как угодно – занимает одно из самых важных мест. Если не самое важное. Но по иронии судьбы мимо проносится трамвай без номера и с заколоченными окнами.

В рассказе «Сказка» чёрт, принявший облик госпожи Отт, уговаривает своего клиента, маленького служащего Эрвина:

«...А если вы еще не верите в мою силу... Видите, вон там через улицу переходит господин в черепаховых очках. Пускай на него наскочит трамвай.

Эрвин, мигая, посмотрел на улицу. Господин в очках, дойдя до рельс, вынул на ходу носовой платок, хотел в него чихнуть – и в это мгновение

блеснуло, грянуло, прокатило. Люди в кафе ахнули, повскочили с мест. Некоторые побежали через улицу. Господин, уже без очков, сидел на асфальте. Ему помогли встать, он качал головой, тер ладони, виновато озирался.

– Я сказала: наскочит, – могла сказать: раздавит, – холодно проговорила госпожа Отт. – Во всяком случае, это пример...»

Именно в трамвайном вагоне совершает свою последнюю поездку шахматист Лужин (роман «Защита Лужина», 1929) за несколько часов до самоубийства. В текстах Набокова метафорический образ трамвая почти всегда соседствует с мотивом смерти и неизменно включен в мистический контекст.

В рассказе Евгения Замятина «Дракон» (1918) трамваи уносятся вон из земного мира. Сам же «дракон» (маленький озлобленный красноармеец), которого автор со злой иронией называет «проводником в Царствие Небесное», временно «существовал» на трамвайной площадке. Именно в этой точке, на площадке, герой вершит судьбы живых существ: спасает от лютой смерти в мороз воробушка и рассказывает о том, что недавно отправил на тот свет человека с «интеллигентной мордой». В крошечном метафоричном рассказе Замятин показал трагедию революционного города, который, подобно упомянутому в тексте трамваю, несется в неизвестное.

Трамвай изображён и в стихотворении Николая Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (1921). Само название несёт в себе, во-первых, тяжесть и бездушность, выражаемые образом трамвая, который не разбирает своего пути, тяжело разгоняется и с трудом способен затормозить. Во-вторых, заблудившийся трамвай – своего рода оксюморон, поскольку трамвай передвигается по проложенным рельсам, то есть он либо сошел с рельс и мчит-ся, не разбирая дороги, либо все проложенные пути кажутся ему неверными и тупиковыми, и поэтому он мечется в поисках. Лирический герой стихотворения сам вскочил на подножку вагона, который «через Неву, через Нил и Сену» увезет его в край, где «... вместо капусты и вместо брюквы / Мертвые головы продают».

«Заблудившийся трамвай» – стихотворение, ставшее знаменитым после смерти поэта. Что же касается самого Гумилёва, то стихотворение было воспринято современниками как пророческое. Ирина Одоевцева вспоминает, что Гумилёв рассказывал о его создании: «Поздравить вы меня можете с совершенно необычайными стихами, которые я сочинил, возвращаясь домой. И так неожиданно. – Он задумался на мгновение. – Я и сейчас не понимаю, как это произошло. Я шёл по мосту через Неву – заря, и никого кругом. Пусто. Только вороны каркают. И вдруг мимо меня совсем близко пролетел трамвай. Искры трамвая, как огненная дорожка на розовой заре. Я остановился. Меня что-то вдруг пронзило, осенило. Ветер подул мне в лицо,

и я как будто что-то вспомнил, что было давно, и в то же время как будто увидел то, что будет потом».

В литературе первым делом вспоминается отрезанная трамваем голова булгаковского Берлиоза. Разлитое Аннушкой масло и отрезанная голова стали культовыми образами в литературе. «Трамвай на Патриарших появился как “Летучий голландец” – предвестник несчастья». Выехал он бесшумно, неожиданно и «внезапно осветился изнутри электричеством», а через несколько секунд всегда осторожный Берлиоз вдруг оказался под его колесами. Это не просто несчастный случай: трамвай наделён мистическими, даже демоническими чертами. Но почему для обезглавливания Берлиоза писатель выбрал именно трамвай, а не какой-либо другой вид транспорта (не говоря уже о другом способе казни). Зачем он притащил на Патриаршие пруды именно трамвайный вагон, как мальчик тащит за верёвочку игрушечную машину? Несколько лет подряд Михаил Афанасьевич жил на Большой Пироговской в доме № 35А. Неподалеку от дома находился трамвайный парк, и дважды в день, рано утром и после полуночи, вереницы трамваев проезжали мимо, своим грохотом сотрясая стены писательской квартиры. В романе его неприязнь к «железным хищникам города» проявляется отчётливо.

Еще один литературный герой, для которого возникающий в тексте образ трамвая связан со смертью, – это доктор Живаго в одноимённом романе Бориса Пастернака. Постоянно ломающийся трамвай в буквальном смысле везёт Живаго в последний путь. Доктор всё-таки успевает выскочить из своего метафорического гроба на мостовую, но еще внутри вагона он понимает, что «сорвал что-то в себе, что он наделал что-то роковое». Сломанный трамвай, в котором нечем дышать, – последний символ, характеризующий взаимоотношения Живаго с миром. Сердце не выдержало, но физическая смерть героя не означает прекращения существования. По мысли самого героя, никто не исчезает в мире. Остаются стихи доктора Живаго – а это новая форма жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Булгаков, М. А.* Белая гвардия. Мастер и Маргарита : романы. / М. А. Булгаков. – Ташкент, 1990.

2 *Гумилёв, Н. С.* Письма о русской поэзии : сб. / Н. С. Гумилев. – М. : Современник, 1980.

3 *Замятин, Е. И.* Мы. Рассказы / Е. И. Замятин. – М. : Эксмо, 2009.

4 *Набоков, В. В.* Король, дама, валет. Защита Лужина. Рассказы. Стихотворения. Драма. Эссе. Рецензии : сб. / В. В. Набоков. – М.: Огни, 2008.

5 *Пастернак, Б. Л.* Доктор Живаго / Б. Л. Пастернак. – М. : АСТ, 2010.